

будет сопровождаться активизацией интереса к упорядочению государственных и правовых отношений между чехами и словаками. Мы считаем, что наилучшее решение национального вопроса — это федерализация, но это лишь одна из мер, направленных на развитие демократии, и только эта мера не улучшит положения словаков. Эта мера не решает проблему политической власти — в чешских землях и в Словакии. Власть партийно-государственной бюрократии при этом может сохраниться, тем более в Словакии, потому что там возникнет иллюзия «завоевания большей свободы».

Причиной глубокой обеспокоенности наших граждан в последнее время является угроза вмешательства в наши дела извне. Перед лицом превосходства этих сил мы можем только защищаться. Мы должны дать понять нашему правительству, что мы будем его поддерживать и с оружием в руках до тех пор, пока оно будет выполнять волю народа, наших же союзников мы можем заверить, что будем соблюдать союзные, дружественные и торговые договоры. Раздраженные упреки и подозрения с нашей стороны могут только затруднить положение нашего правительства, а нам не помогут. Равноправные отношения мы можем обеспечить лишь качественным улучшением наших внутренних условий, продвинуть процесс возрождения настолько, чтобы выбрать мужественных, честных и мудрых государственных деятелей, которые смогут такие отношения установить и сохранить. Это, собственно говоря, и есть вечная проблема правительств всех малых государств мира!

Весной нынешнего года мы снова, как и сразу после войны, получили великий благоприятный шанс. Мы снова можем взять в свои руки наше общее дело, которое принято называть социализмом, и придать ему форму, более соответствующую прежнему доброму имени нашей страны и репутации нашего народа. Весна уже закончилась, она уже не вернется. К зиме все станет яснее.

На этом мы заканчиваем наше обращение к рабочим, крестьянам, служащим, деятелям искусства, ученым, техническим работникам и всем остальным, написанное по инициативе ученых.

«Литерарни Листы» № 18, 27-го июня 1968 г.

Н. С. Хрущев

КАК МЫ ОБМАНУЛИ ГИТЛЕРА*

39 год, когда был подписан договор Риббентропа—Молотова, так, как его называли на Западе, значит, и тогда я сам слышал, Сталин нам сказал, что ну, обману, обману Гитлера. Следовательно, обманул Гитлера. Это значит, что тогда он считал, что Гитлер... я так думаю, я допускаю лучшее, что он понимал, что Гитлер все равно нападет на нас, но только он выиграет время подписью этого договора. Что вместо того, чтобы вызвать Гитлера первым на себя, то есть на Советский Союз, столкнуться с ним, так сказать, лбами, значит, что подписанием договора мы минули, миновали этого, значит. И тем самым создались условия, когда столкнулись Гитлер вначале с европейскими западными странами, то есть через Польшу он столкнулся с Англией, Францией и другими, с Бельгией и Голландией, значит, с Норвегией, Данией, значит. Ну, это выигрыш времени. Я думаю, что если Сталин это так понимал, я хотел бы его понимать, чтобы он именно так понимал, тогда он должен был приложить все усилия к тому, чтобы, подписавши договор о ненападении и дружбе с Гитлером, сейчас же развернуть работу нашей промышленности, наших научных учреждений, наших конструкторских бюро, которые занимались вооружением, и развернуть эту машину на полный ход. На полные обороты. И, если бы мы это сделали,

* Из воспоминаний Н. С. Хрущева, перепечатанных с магнитофонной ленты.

значит, у нас — я даже беру так — 39 год, 40 год и половину почти 41 года, почти половина, да, половина, потому что 22 июня начал войну Гитлер, так вот эти 39, 40, два с половиной года, это как раз те годы, за которые мы, потерявши полстраны, значит, я говорю по промышленному потенциалу, а, может быть, даже больше, мы сумели, значит, восстановить свою промышленность по производству вооружения и обеспечить армию средствами войны. Значит, если бы мы это использовали, значит, и дали бы к 41 году то, что мы дали к 43 году, значит, значит, нашей армии... значит, это было бы вполне достаточно, а, может быть, даже с лихвой с тем, чтобы разгромить немца на границе, на наших границах и не допустить вторжения немецких орд в пределы Советского Союза. Но этого не было. Это же... это же история знает... да...

Гитлер готовил свое нападение, и прежде всего он направил свои усилия лишить нас кадров. Лишить нас кадров военных, лишить нас кадров партийных, лишить нас кадров ученых, интеллигенции и промышленных — инженеров и экономистов. И он своей цели достиг. В момент, так сказать, высшего накала и уничтожения людей — в 37-й год — мы в этот год, единственный год из пятилеток, когда план промышленный не был выполнен. Почему? В результате истребления кадров партийных и хозяйственных и инженерных кадров. И нашей интеллигенции. Вот это первый результат. А потом уже война. Тут уж Гитлер подготовил условия наступления. Он уже подготовил, значит, тем, что он задержал развитие нашей промышленности, потому что мы выполняли пятилетки... пятилетки, значит, кроме 37-го года, а то мы выполняли. Но если бы эти кадры не были истреблены наши в промышленности, инженеры, директора, экономисты, то, безусловно, тем бы был бы выше наш... и мы были бы еще сильнее подготовлены...

Ну, значит, вот на этом я и хотел бы закончить свои воспоминания об этом очень ярком, так сказать, периоде времени нашей партии, борьбы нашего народа за преобразование нашего общества из капиталистического на социалистических началах. Больших успехов в области строительства, создания индустрии, в области перестройки сельского хозяйства, значит, в области поднятия культуры, науки, искусства, процветания, так сказать, ну, значит, на пользу народа, значит, всех отраслей работы,

значит, и культуры и искусства. Но это, опять же я говорю, это усилие народа, это народ разбудил свои силы и создал вот такую могучую армию, могучую державу, какой является сейчас Советский Союз. Ну, я воздерживаюсь сейчас говорить „самый могучий“, потому что нельзя преуменьшать силы наших противников, но, во всяком случае, мы не слабее любой страны в одиночку взять. Я считаю, что сейчас промышленность сильнее покамест в Соединенных Штатах Америки, но армия наша сильнее. И вооружена наша армия не хуже. Не хуже. Во всяком случае, я говорю, не хуже. Так же, а, может быть, даже и лучше. А я бы считал, что так же, и это уже большим является предупреждением для авантюристов, милитаристов, значит, агрессоров в Соединенных Штатах Америки, значит, что если они развяжут войну, то эта война им боком выйдет, значит. А уж я не говорю об европейских наших противниках, как Западная Германия — это собственно, с нами сейчас, если в Европе без Америки — это нуль. И сейчас никакой, так сказать, здравомыслящий человек, как бы он ни был ослеплен ненавистью против стран социализма и, в первую голову, против Советского Союза, если рассматривать Советский Союз как лидера, как первой мировой державой социалистической, значит, и самой мощной, значит, конечно, никто не может с нами сравняться. Ни в одиночку из европейских, ни все вместе. Все вместе они слабее против нашего одного государства, Советского Союза. И это, значит, вот результат ленинской политики, это результат марксистского ленинизма, это результат, так сказать, вот, значит, победы Октябрьской революции и развертывания деятельности во всех направлениях, значит, на основе учения, могучего учения, самого прогрессивного учения, марксистско-ленинского учения. На этом я сегодня заканчиваю.

* *
*

Я приезжал, помню, из Киева... и другой раз за столом у Сталина, значит, был какой-то обмен, но такой, который сейчас, так сказать, не отложился в памяти конкретно, значит, только общие такие... Но они правильно тогда отражали... англичане

и французы не хотят с нами объединить своих усилий, что они, так сказать, проводят время, значит, и, собственно, бесплодными разговорами подталкивают Гитлера на действия в направлении Советского Союза, чтобы удовлетворить запросы захватнически немцев за счет востока, как они говорили, за счет Советского Союза. Долго эти переговоры велись, значит, вел их Ворошилов, по-моему, я не знаю, кто еще входил в состав этот, значит, но я помню, значит, это было в августе, я приехал из Киева, значит. Суббота была. Я пришел к Сталину, на дачу приехал к нему. Он мне сказал, что вот сейчас приедут те-то, те-то, значит... значит, члены Политбюро, и говорит, что — вот, завтра прилетит к нам Риббентроп. И смотрит на меня, улыбается. Как это, мол, произведет... Какое это произведет впечатление на меня. Я на него смотрю, то считаю, что он шутит, чтобы к нам Риббентроп прилетел, что это бежал он, что ли, бежать собирается... Но вот, он говорит, Гитлер прислал телеграмму, передал, значит, через Шульенберга, посол Германии был Шульенберг, значит, что он в этой телеграмме пишет, прошу, господин Сталин, принять моего министра, Риббентропа, который, так сказать, вот везет конкретные предложения. Да, говорит, вот завтра мы его встретим, а завтра — это 23 августа, это число, по-моему, я безошибочно запомнил и называю его. Я собирался поехать на охоту. В Давидовское охотничье хозяйство, которое считалось тогда — и это было правильно — созданное Ворошиловым и Ворошилов шефствовал над этим хозяйством, и, главным образом, в этом хозяйстве охотились военные. Я никогда там не бывал до этого времени, и впервые, вот, собрался поехать. Мы сговорились с Булганиным и Маленковым, что мы втроем поедем туда на охоту. Я Сталину об этом сказал, что, я говорю, я собирался завтра поехать на охоту, значит. Он говорит, хорошо, поезжайте, значит, завтра никого не будет, значит, я его приму... кажется с Молотовым, что ли, и и послушаю. А потом вы приедете с охоты, приезжайте, тогда, значит, вот, я расскажу, значит... какие-то детали и как... какой результат. Так мы и сделали. Рано утром мы выехали... не рано утром, а мы на ночь выехали на охоту, значит, втроем. Когда мы приехали, то там уже был Ворошилов на охоте. Следовательно, Ворошилов при встрече с Риббентропом не был у Сталина, я

сейчас думаю, так оно и было, значит, и были другие военные маршалы, генералы, довольно много людей. И мы охотились, погода была чудесная. 23 августа тепло было, и охота была очень удачная, и я, так сказать, как, значит, прошу не понять меня, как уже сложилось понятие об охотниках-хвастунах, что мне тогда удалось на одну утку больше убить, чем убил Ворошилов. Я это почему говорю, потому что Ворошилов, ворошиловские стрелки, Ворошилов, так сказать, стреляет из винтовки, Ворошилов стреляет из охотничьих ружей... лучше всех стреляет и прочее. Ну такой, знаете, подхалимаж такой был, значит, и в печати и, так сказать, не в печати, значит.

Я приехал тогда с охоты, сейчас же поехал к Сталину и повез уток, значит, как говорится, на общий... для общего котла, потому что у Сталина должны были собраться все члены президиума, которые к этому времени были в Москве, значит. И я Сталину, конечно, рассказал, похвалился. Он, значит, был в очень хорошем настроении и шутил, значит. К охоте он относился по-разному. Другой раз он и сам порывался поехать, а другой раз, значит, видимо, в каком-то настроении, когда он пребывал, он резко высказывался против охотников. Но не с точки зрения, так сказать, вот как эти люди, которые стоят на позиции защиты живого, всего живого, значит. А он с точки зрения траты времени, мол, вот это трата времени, хотя сам-то он тратил, если не на охоту, но вот кто уж тратил время впустую и сколько, я думаю, что больше этого... большей частью, ну, эта трата времени была впустую — за столом, с вином, с обедами и с ужинами и прочее, и прочее, и прочее, значит.

Когда мы собрались у Сталина 23 августа к вечеру, покамест готовились наши трофеи к столу, значит, к которому мы готовились, Сталин рассказал, что, вот, прилетел Риббентроп. Он уже, говорит, улетел. И он, значит, приехал с проектом договора о дружбе и ненападении, значит. И мы этот договор подписали, значит. И Сталин очень в хорошем настроении был, значит, вот, мол, завтра эти англичане и французы, представители, узнают, и завтра, так сказать, они уедут, они были в это время в Москве, значит, и, ну... И в тот день он правильно оценивал значение этого договора и понимал, что тут, говорит, Гитлер хочет нас обмануть, говорит, перехитрить, а я, говорит,

считаю, что мы его перехитрили. Мы подписали договор. Ну, естественно, что мы были за это, хотя чувство такое смешанное было, потому что и Сталин, я чувствовал, что и Сталин это понимает, поэтому он и говорил, что тут, знаете, идет игра — кто кого перехитрит, кто кого обманет, значит.

Ну, рассматривалось нами так, что начнется война, значит, в которой Запад направлял против нас один на один Гитлера, значит. Этим договором, значит, получалось так, что войну начинает Гитлер. Это нам было выгодно с точки зрения и военной, и моральной, значит, и он таким образом вызывает на войну против себя Францию и Англию, значит, в первую голову, а против Польши он выступает непосредственно. Чехословакию он уже захватил, значит. Таким образом, значит, а мы остаемся нейтральными. Я считаю, что это было положение лучшее для нас, и я его понимал и одабривал, что, если Англия и Франция того времени хотела направить против нас Германию один на один, а самим, так сказать, потирать руки от удовольствия и откупиться за счет нашей крови, за счет наших территорий, за счет наших богатств, Польша, проявившая совершенно неразумную политику, проводившая совсем неразумную политику, которая и слышать не хотела об объединении наших общих усилий против Германии в интересах Польши и в интересах... то мы, у нас другого выхода не было... Если рассматривать войну как игру, значит, и есть возможность, что в этой игре не подставлять своего лба под вражеские пули, к чему все время делали западные державы, то этот выбор — он имел оправдание и понимание. И я его и сейчас так рассматриваю, хотя очень тяжело было, очень, значит, чтобы нам, коммунистам, антифашистам, люди, которые совершенно на противоположных позициях философских и политических стояли, и вдруг, нам... вроде мы объединяем свои усилия в этой войне. А обывателям так это казалось, значит. И это было очень трудно самим понять, значит, переварить это, значит, и найти, так сказать, исходные для того, чтобы опираться на них, разъясняя другим, и очень трудно даже при всепонимании — трудно доказывать другим, что это выгодно для нас и что это мы вынуждены сделать, и это с пользой мы делаем для себя.

Было известно, поэтому, когда стали наступать немцы

против Польши, что наши войска были сосредоточены на границе. Я помню, я тоже тогда был с войсками, значит, командующие все мы были, члены военного совета, значит, на границе. Значит, я как раз был в направлении с войсками, в направлении, которые должны были действовать на Тернополь, значит, и там же был Тимошенко. Тимошенко командовал Киевским военным округом, значит. И когда немцы подходили к той территории, которая по договору отходила к нам, наши войска были двинуты, собственно говоря, тогда уже Польша почти прекратила сопротивление. Еще какое-то изолированное сопротивление оказывали поляки в Варшаве, но уже такого организованного государственного сопротивления польской армии — его уже не было, оно было сломлено, была разгромлена... И Польша была, оказалась совершенно неподготовлена к этой войне. Сколько форса, сколько гордости и, так сказать, ну, такого пренебрежения к нашим предложениям об объединении наших усилий, и какой, так сказать, позорный провал, значит, военной машины и государства Польского.

И мы перешли, значит, фактически против нас сопротивление было... почти не было. Мы двинули свои войска, дошли до Тернополя, и мы с командующим Тимошенко выехали, по моему, мы проехали по Тернополю, а потом из Тернополя мы поехали другой дорогой, я бы сказал, довольно неразумно, потому что были еще польские некоторые отряды, которые оказывали сопротивление. И мы через некоторое местечко польское, на польской территории тогда, значит, это украинские были, но города были с довольно большой прослойкой польской. Мы проезжали, там еще не было советских войск. Поэтому всякое могло случиться. Но мы вернулись к своим войскам, и нам сказали, что Сталин, значит, требует к телефону. Мы положили, как протекает наша операция, значит, и тем самым на этот день закончены были наши операции. Следующее, я не знаю, сколько дней, значит, мы подошли, наверное, день или два или три, значит. Первый день мы к Тернополю подошли, значит. А к Львову, наверное, на второй или на третий день. Под Львовом, значит, когда наши войска уже подошли к Львову, то уже... немцы тоже подошли ко Львову. Но мы опередили немощко, значит. Львов мы еще не... Во Львов немцы не вступили.

Тогда вопрос возник, значит, чтобы не столкнуться нашим войскам с немцами, с немецкими войсками, мы решили войти в контакт с немцами, и для этого был послан, значит, от советских войск теперь маршал артиллерии Яковлев. Он тогда командовал артиллерией Киевского военного округа. Он немножко немецкий язык знал, и он вступил в переговоры. Войсками, которыми командовал тогда по захвату Львова, командовал Голиков — теперь маршал Голиков. Я помню, я тогда к нему приехал, его штаб стоял недалеко от Львова, стояли скирды соломы. Вот под этими скирдами он, значит, и находился со своим штабом, Голиков. И переговоры окончились довольно быстро, и немцы хотели ворваться во Львов, но это была цель их — первым делом, чтобы ограбить Львов, пограбить. Но, так как наши войска пришли уже, и немцы не хотели продемонстрировать, что они не придерживаются договора, который у нас был, они говорят — пожалуйста, можете войти. И мы вступили во Львов, значит. Во Львов, потом в Драгобыч, Борислав, значит, и наши войска вышли на границу... и та, которая была определена договором с немцами, значит. И некоторые территории уже были заняты немцами, значит. И тогда возник вопрос, как немцы — отойдут ли на границы, которые были по договору определены, или будут настаивать сохранить то, что фактически они уже занимают, значит. Но Гитлер тоже играл, как говорится, с большим размахом, и поэтому по мелочам он не хотел создавать с нами конфликты, и тем самым расположить, что он человек слова, если дал, то его придерживается, и войска были отведены, и наши войска вышли на границу, которая была обусловлена договором, подписанным Риббентропом и Молотовым, кажется, Молотов подписал от Советского Союза.

Вот так закончился первый этап, значит. И здесь я не скажу, что он был не прав. Здесь был большой подъем и в наших войсках, и в народе, особенно, Украина, она, так сказать, давно стремилась и, так сказать, воспевала воссоединение в едином государстве всего украинского народа, а это были земли действительно исторически украинские, и украинцами заселенные, за исключением только тех городов... Города... Львов в абсолютном большинстве был заселен поляками, но это искусственное

заселение, потому, что, например, во Львове украинцев даже не принимали на работу по мощению улиц, дискриминация национальная была, и в других городах такая дискриминация. Это для того, чтобы больше было бы польского населения в этих городах — опора, значит.

Потом, по границе, которая была граница установлена, значит, в результате нападения Пилсудского на Советский Союз, когда была война в 20-ом году, там были территории захвачены, которые были до первой мировой войны, входили в состав Российской империи. А поляки захватили, мы были слабы, и мы не смогли, так сказать, отстоять даже тех границ, которые были границами с Австрией, значит, у царского правительства. Значит так, поляки, когда захватили эти территории, населенные украинцами и украинские земли, они, так сказать, выдвинули задачу расположить по границе польское население. Это назвали их осадниками. Вот эти осадники — это крестьяне, так сказать, которые занимались крестьянским производством, но это была опора, значит, Польской армии, значит. Они сидели на границе с нами, значит, и, так сказать, защищали свою границу против Советского Союза, значит. И когда все это было сломано... сломлено, значит, и границы, так сказать, были перенесены на запад, значит, перенесены... Но если уж так говорить об исторических национальных интересах украинцев, то украинцы еще были не совсем удовлетворены этим договором, потому что мировая пресса и мировая общественность знала, что договор, который был после первой мировой войны подписан союзниками, бывшими союзниками царской России, что по этому договору определялась граница России, значит, они считали, что советская власть — это временная власть в России, а, значит, чтобы своему союзнику, значит, обеспечить границы, то были эти границы установлены, я помню, по Украине, так назывались „линия Керзона“. Линия Керзона. То эта линия Керзона, значит, в сравнении с линией, которая была обозначена по договору Риббентроп—Молотов, подписанному договору с Германией, то вот эта линия Керзона, она была еще западнее этой границы, которая... Так что украинцы еще считали, что они кое-что недополучили... из своих земель, которые были даже признаны за Украиной или за царской Россией со стороны бывших союзников, значит, которые подписали договор, вот в результате

разгрома в первой мировой войне германского милитаризма.

Вот, собственно, это первый период, значит, напряжения, предвоенного напряжения, которое было, которое переживали мы, значит. И его, я бы сказал, разрядка. Условно, но я все-таки назову ее разрядка, потому что она закончилась положительно, в пользу Советского Союза. И если рассматривать с точки зрения территории, территориальных приобретений, которые Советский Союз в результате подписания этого договора приобрел, то он ничего, почти ничего, не приобрел, значит, к тому, что, так сказать, по закону, значит, полагалось Советскому Союзу. Потому что это были русские земли, и это земли... украинские земли, которые были захвачены Пилсудским, за исключением небольших территорий там... в районе Белоруссии, где-то, кажется, Белосток и... ну, исторически, значит, там уже польское население... (перерыв несколько секунд)

Во Львове и в других городах западных областей была большая прослойка и еврейских — и рабочих, и еврейской интеллигенции. И я не помню сейчас что-либо отрицательного, значит, в проявлении отрицательном, антисоветском исходило бы от этой части населения. Среди еврейских рабочих и интеллигенции много было коммунистов, значит, западных областей Украины. И тогда, по-моему, эта организация называлась КПЗУ — Коммунистическая партия захидний Украины, так, если расшифровать эти буквы. И туда входили и украинцы, и евреи. Там, по-моему, были, нетвердо сейчас я помню... И мы собирали... Помню, когда мы собрали уже во Львове, по-моему, в оперном театре большое собрание, значит, это был митинг, и поэтому доступно было всем. Мы приглашали туда и украинцев, и евреев, и поляков, значит. Главным образом, рабочие были там и интеллигенция. И выступали там евреи тоже. Но странно нам было, советским людям, слушать, когда евреи выступали, и они обращались к своей нации, то они говорили: „Мы жида... мы от жидов“, значит, и нас это било, буквально, так сказать, по нашему сознанию, и мы чувствовали за них, так сказать, оскорбление, за нацию еврейскую. И потом, в кулуарах, я говорил, послушайте, что вы так... вы говорите евреи, а жида — это оскорбительное. У нас, вот, на западе, мы

считаем оскорбительным, когда нас евреями называют, а жида — мы ведь жида, поэтому мы называем себя жидами, значит. Это для всех советских людей было очень странным, мы не привыкли к этому, значит. Но, видимо, они правы, потому что если вернуться к литературе украинской, взять Гоголя, так у него там слово „жид“ — это звучит не ругательно, не оскорбительно, а, так сказать, это есть определение национальности народа. Есть такая украинская песенка „Продам тебе, жиде рудому“. Такая шуточная песенка. Это звучит, значит, не оскорбительно, просто, продам тебе, еврею рыжему, да, вот. Но это вот такой эпизод, значит, он запечатлелся в моей памяти, потому что он, так сказать, был, ну, противоречие с нашей практикой, с нашей привычкой, значит. Ну, это был факт.

Ну, ребята были хорошие, значит, я сейчас забыл многих фамилии, значит, но это были люди, которые прошли тюрьмы польские. Это были проверенные коммунисты и прочее. Но проверены они были жизнью... но коммунистическая партия эта была распущена и польская, и коммунистическая партия была распущена КПЗУ, значит, поэтому эти люди в нашем понимании они требовали проверки. Те хотели механически, что они, так сказать, коммунисты, они это звание завоевали в борьбе, в классовой борьбе, и многие из них имели за плечами тюрьмы польские, значит, поэтому... какая еще может быть проверка. Но к этому времени у нас уже, так сказать, было другое понятие. И поэтому многие смотрели на этих людей, которые заявляли, значит, что это как неразоблаченный агент. Поэтому их не только надо проверять, но проверять под особой, так сказать, лупой, значит, и проверять и выявлять, значит. И, видимо, очень многие из них, значит, попали потом, получивши освобождение от нашей армии советской, попали потом в наши советские тюрьмы, значит. К сожалению, но это так. И, безусловно, были там провокаторы, наверно, были там провокаторы, были, но нельзя же рассматривать, значит, каждого человека, который, так сказать, с открытой душой приходил к нам, значит, что это подосланный, что это агент, что он приспосабливается, втирается в доверие и прочее и прочее. Значит, это порочный круг, значит, если обновываться на этом круге, то к чему это приведет? Ну, к чему это приведет, об этом будет... уже была речь, я уже об этом

высказывался, записывал... И дальше я еще это дело продолжу.

Как же польское население реагировало? Польское население реагировало очень болезненно. И это мне понятно. В первых, поляки считали... не считали, а это факт, они лишились государственной самостоятельности. Не только самостоятельности, но раздроблены были, а это, они говорили, какое по счету там, третий раздел Польши. Уже два было раздела раньше, теперь третий раздел. И опять же... кто делит? Раньше делили Германия, Австрия и Россия, а теперь разделились, так, грубо говоря, надо рассматривать, как со стороны эти вопросы оценивались людьми, которые были против этого, против этой нашей акции — они говорили, что опять Россия разделила Польшу, то есть раздавила независимость поляков и разделила ее, значит, между собой и Германией. Вместе с Германией.

ДОГОВОР О НЕНАПАДЕНИИ МЕЖДУ ГЕРМАНИЕЙ И СОВЕТСКИМ СОЮЗОМ

Правительство СССР и правительство Германии, руководствуясь желанием укрепления дела мира между СССР и Германией и исходя из основных положений договора о нейтралитете, заключенного между СССР и Германией в апреле 1926 года, пришли к следующему соглашению:

Статья I

Обе Договаривающиеся Стороны обязуются воздерживаться от всякого насилия, от всякого агрессивного действия и всякого нападения в отношении друг друга, как отдельно, так и совместно с другими державами.

Статья II

В случае, если одна из Договаривающихся Сторон окажется объектом военных действий со стороны третьей державы, другая Договаривающаяся Сторона не будет поддерживать ни в какой форме эту державу.

Статья III

Правительство обеих Договаривающихся Сторон останутся в будущем в контакте друг с другом для консультации, чтобы информировать друг друга о вопросах, затрагивающих их общие интересы.